

УДК 82.091

Ф. Хэ

**ЯВЛЕНИЕ ЗАМЕЩЕНИЯ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТОЧНЫХ РИФМ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ЛЕРМОНТОВА (1828-1832))**

Целью статьи является выявление феномена замещения звонких-глухих согласных в русской поэзии и изучение его использования в точных рифмах в ранней лирике Лермонтова. Основное содержание статьи составляет анализ замещения звонких и глухих согласных и его применение в рифмовке в русском языке, история использования в русской поэзии. Проведённый анализ помог выявить условия применения замещения звонких-глухих согласных в точных рифмах в ранней лирике Лермонтова. В статье обобщен новый материал и статистические данные о разных типах рифм в ранней лирике поэта. Статья адресована специалистам истории русской литературы, исследователям творчества Лермонтова.

Ключевые слова: замещение звонких-глухих согласных, русская поэзия, точная рифма, лирика, Лермонтов.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-824-831

В русской поэзии появление неточной рифмы стало возможным, по мнению ряда исследователей стихосложения, с середины XIX в., времени, когда неотчётливое произношение заударных гласных начинает проникать в поэзию, и, таким образом, порождает созвучия (ассонансы). Неточная рифма развивалась, и к началу XX в. обозначились три феномена, на основе которых, возникает «неточность» рифмы, т. е. отклонение от нормы «традиционной» точной рифмы: усечение, замещение и перемещение. Замещение – фонетическое явление, которое, наряду с усечением и перемещением (метатезой), является одним из условий формирования неточной рифмы. По определению Д. Самойлова, замещение – это «замена конечной или интервокальной согласной» [12. С. 36], вследствие чего выделяются рифмы с конечным замещением (*брат – брать*), рифмы с замещением в группе согласных и рифмы с интервокальным замещением (*вопросы – розы*) [1. С. 38-39].

В русском языке существует особое фонетическое явление – чередование звонких и глухих согласных, которое также называется нейтрализацией [3. С. 88] или позиционной заменой [16. С. 119] звонких и глухих согласных. Среди всех шумных согласных в русском языке имеются 3 непарных глухих согласных (*ц, ч и цч*) и 6 пар звонких и глухих согласных звуков (*б-п, в-ф, г-к, д-т, з-с и ж-ш*), которые совпадают в следующих трех случаях: 1) на конце слова шумный звонкий согласный заменяется своим парным глухим согласным. Например, *след* – [слет]; 2) перед шумным глухим согласным шумный звонкий согласный произносится как глухой. Например, *лубка* – [луцка]; 3) перед шумным звонким согласным шумный глухой согласный меняется на шумный звонкий согласный. Например, *сделать* – [зделать]. Таким образом, в связи с позиционной заменой наблюдается два случая: перед гласными, т.е. в сильной позиции, глухие и звонкие согласные произносятся без изменений; а в слабых позициях шумные согласные подвергаются изменению. В сонорных согласных также наблюдается явление замещения, которое часто встречается в русской поэзии. Например: *туманы-поляны* («Цевница», Лермонтов, 1828). Чередование звонких и глухих согласных существует не только в русском языке, но и в других языках. Например, в английском языке оглушение часто проявляется в начале и на конце слова, или между гласными, а озвончение может возникать за звонкими согласными [6. С. 15-16], например: *Edge to edge* – [etʃ tə edʒ] (оглушение); *legs* – [legz] (озвончение). В немецком языке также существует похожее фонетическое правило оглушения и озвончения, например: *abend* ['a:bnt] (оглушение) и *stabt* [ʃdat] (озвончение).

Система звонких и глухих согласных проявлялась даже в древнерусском языке: парные согласные по глухости и звонкости – *б-п, г-к* (или *г-х*), *д-т, з-с* и *ж-ш*, непарные звонкие согласные – *в*, непарные глухие согласные – *ц, ч, цч* и отсутствие звука *ф* [11. С. 32-34]. Более того, в рамках данной фонетической системы уже возникало явление оглушения и озвончения. Как в современном языке, произношение звонких согласных заменялось глухими в слабой позиции, а глухие согласные произносились как звонкие перед звонкими согласными. Уже в 18-ом веке Ломоносов в «Российской Грамматике» отмечал эволюцию функционирования парных согласных, т.е. оглушение звонких согласных в определённых позициях: «Все согласные мягкие буквы и плавные, когда стоят перед твер-

дыми или на конце предложения, не имея после себя самогласной, выговариваются твердо, то есть *б* – как *п*, *в* – как *ф*, *г* – как *к* или *х*, *д* – как *т*, *ж* – как *ш*, *з* – как *с*.» [8. С. 47] На данную норму также указывал Барсов в своей книге «Российская Грамматика»: «На конце слова, особливо когда они сами собою один произносятся, согласные мягкие, как *еромь*, отолщаемые, так и отончаемые *еремь* переменяются на твердые имя соответствующие на пр.» [2. С. 58] Например: “*Богъ – Бохъ*”. [2. С. 59]

Рифмовую технику использования согласных в русской поэзии составляют усечение, перемещение (например, *перс – пресс*) и замещение. Как более популярная рифмовая техника, замещение проявляется не только в нейтрализации, но и в сонорных согласных, твердых-мягких согласных и даже глухих согласных (например, в смычных согласных *п-т-к* и в фрикативных согласных *ф-с-ш-х*. Например: *протекает-улетает* («Черкешенка», Лермонтов, 1829)) или в звонких согласных (например, в смычных согласных *б-д-т* и в фрикативных согласных *в-з-ж*. Например: “*взор-вор*” («Утро на Кавказе», Лермонтов, 1830). Замещение может наблюдать и на конце, и в середине слова. Наиболее часто встречается замещение звонких-глухих. Фонетическое чередование звонких и глухих согласных широко используется в рифме русского стиха, особенно в точных рифмах. В. Жирмунский определяет точную рифму как «совпадение всех звуков, начиная с последнего ударного.» [5. С. 306] Для точных рифм принципиально звуковое соответствие, представляющее норму для этих рифм, но не графическое тождество. Несмотря на то, что буквальное совпадение, т.е. «рифма для глаз» (выражение Жирмунского), было популярным в XVIII в., впоследствии сформировалась система рифм на основе звукового соответствия. Поскольку требованием точной рифмы было совпадение ударных гласных и всех ударных звуков, поэты, используя эту фонетическую норму русского языка, имели возможность расширять сферу слов, из которой они выбирали рифмующиеся слова.

По мнению Самойлова, для мягких и твердых фонем, несмотря на незначительную разницу между фонемами некоторых парных звонких и глухих согласных, в которых есть все совпадающие признаки, кроме звонкости-глухости, в зависимости от приблизительно полного объема их совпадений, парные звонкий и глухой согласные могут оформлять более созвучную рифму: например: “*сидел-летел*” («Забывши волнения жизни мятежной ...», Лермонтов, 1829). [12. С. 43] В системе замещения звонких-глухих согласных наблюдаются следующие дополнительные требования к точной рифме:

1) В случае отсутствия явления чередования звонких и глухих согласных, звонкий и глухой согласные не образуют точной рифмы, например: “*блаженства-совершенство*” («Слава», Лермонтов, 1830-1831); 2) Вследствие существования твердых и мягких звуков, глухие (звонкие) твердые согласные не рифмуются с глухими (звонкими) мягкими согласными. Таким образом, оглушение и озвончение не встречаются на конце слова с мягким знаком. Исключительный случай представляют рифмы, оканчивающиеся на -ш(ь) и -ж(ь). Мягкий знак *ь* в таком сочетании представляет собой просто «орфографическое украшение» [14. С. 412], так как согласные *ж* и *ш* всегда произносятся как твердые. Поэтому *ш(ь)* и *ж(ь)* на конце слова считаются допустимыми для точной рифмы, например: “*хорриш-ложь*” («День только к вечеру хорош ...», Ф. Сологуб, 1913) [13. С. 404]; 3) В древнерусском языке звонкий согласный *г* является парным с глухим согласным *к*, и с глухим согласным *х* в связи с разным произношением под влиянием церковного языка, а в современном русском литературном языке нет парного звонкого согласного соответствующего глухому согласному *х*, например, “*их-миг*” («Пир Асмодея (Сатира)», Лермонтов, 1830-1831). Несмотря на отсутствие парных согласных *г-х* в точных рифмах в настоящее время, в XVIII в./ данное сочетание рассматривалась как точная рифма. Эта традиция продолжалась в русской поэзии до XIX в., хотя фонетические нормы той эпохи уже изменились [5. С. 314; 14. С. 412].

В малых жанрах фольклора существует явление замещения конечных согласных в мужских, женских и дактилических рифмах. В отличие от замещений, которые встречаются в точных рифмах в авторской поэзии, в народной поэзии замещение согласных главным образом используется в неточных рифмах. Из-за того, что для глухой и звонкий звуки представляют оппозицию, замещение звонких и глухих согласных в народной литературе встречаются реже, чем в современной литературе. Самойлов писал, «Народный слух скорее склонен к сопоставлению звуков, чем к противопоставлению их. Да и само строение народных речений, где обычно сопоставлены понятия и предметы, требует такой рифмы» [1. С. 78] Несмотря на это, сочетание звонких и глухих согласных наблюдается в малых жанрах фольклора: например, “*нешего – проезжого*” [10. С. 34], “*отяпышу – алябышу*” [10. С. 39] (Былина, «Бой Ильи Муромца с Сыном»), такие сочетания не используются в точных рифмах. За исключением замещений звонкости-глухости, в малых жанрах фольклора имеются другие типы замещений: замеще-

ние твердых и мягких согласных, например: “ловить-сидит” («Ловля филина») [10. С. 382], замещение сонорных согласных (*р-л, р-н*, и др., например, “узрит – измеңит”, «К П...ну», Лермонтов, 1829), замещение между глухими согласными (*п-т, к-т, п-к* и др., например, “простой – покой”, «К Д...ву», Лермонтов, 1829) и т. д.

В начале XVIII в. двуязычие, т. е. одновременное существование церковнославянского и русского языков, привело к постепенному образованию «единого, но стилистически сложного литературного языка нового времени». [9. С. 319] Так, несмотря на общность двух языков, в литературном произношении могут отражаться фонетические особенности церковно-славянского языка этого времени. [9. С. 319] До второй половины XVIII в. буква *г* произносилась как *х* или *г* в литературном языке, более того, *г* и *к* уже считаются вольными рифмующими звуками. Кантемир составляет новую систему стихосложения и уточняет нормы рифмы русской поэзии, среди которых он отмечает вольность согласных точных рифм: «Можно почитать подобными согласные *д* со *т*, *б* со *п*, *ж* со *ш*, *г* со *х*, когда за ними следует согласное, так, что нарочиту рифму составляют: водка-глотка, нужный-воздушный, утка-дудка ...» [6. С. 412] Как многие современные поэты, вместо замещения *г-к* Кантемир использует *г-х* по правилам фонетики древнерусского языка. Он использует эти нормы в своём стихотворении «Напрасно ей угождаешь/ разными заедками, / Вотще услаждаешь/ золотыми клетками – ...» [6. С. 282] Используя вольность согласных или их сочетаний, Ломоносов широко расширяет сферу русской рифмы, особенно в неточных рифмах. Замещение парных звонких и глухих согласных также часто встречаются в стихотворениях Ломоносова, например: «дражайший Павел наш, мужайся, / В объятых Рожьшей утешайся» («Ода», 1762). Хотя и продолжая использовать сочетание *г-х*, тем не менее сам же Ломоносов пишет стихи «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке», анализируя слова, включающие букву Г, и обсуждает произношение буквы Г. Державин использует различные замещения согласных, среди которых он предпочитает замещения сонорных согласных (*р, л, н, м*), например, “богатырь – пыль” («На взятие Варшавы», 1794). Тем не менее он использует замещение и звонких-глухих согласных, например: «Проходит наша жизнь, как миг;/ Но видны и по нас следы/ Дел наших добрых или злых, / Как в море за кормой бразды, ...» («На смерть Нарышкина», 1799). Однако поэты XVIII в. не очень часто используют такое замещение.

В первой половине XIX в. особенности произношения бытовой речи влияют на стихотворный язык. Все парные глухие-звонкие согласные (*п-б, т-д, к/х-г, с-з, ш-ж, ф-в*) и современные нормы замещения глухих-звонких согласных в тот период уже были оформлены. Буква *г* ещё сохраняет за собой два варианта произношения (*γ* и *г*), которым соответствуют при этом *γ* – *х* как пара по глухости-звонкости встречается чаще в словах, взятых из церковного языка. По причине того, что замещение *г-к* поначалу не используется в книжном стиле, а в литературном языке XVIII в. функционирует только сочетание *г-х*, замещение *г-к* более соответствует бытовой речи, а *г-х* – высокому стилю в стихотворениях. [9. С. 195] Примеры замещения звонких-глухих встречаются в стихотворениях всех поэтов XIX в. Например: «Ну глупо ль, что его высоко так ценят?/ А я бы, право, был гораздо боле рад» («Петух и жемчужное зерно», И. А. Крылов, 1809); «Там жесткая постель ... Всё пухлая скудель» («Мои пенаты», К. Н. Батюшков, 1812); «Взгляните на меня: я сед;/ Но не от хилости и лет» («Шильонский узник», В. А. Жуковский, 1822). Замещение глухих-звонких, сонорных и других согласных часто наблюдаются в стихотворениях Пушкина, особенно в точных рифмах: Например, «Жужжит гостей веселый круг; ... И звонких гуслей беглый звук» («Руслан и Людмила», Пушкин, 1817-1820); «Вздохнули ли вы, внимая тихий глас ... Встречая взор его потухших глаз» («Певец», Пушкин, 1816); «Цукерброд/ Не лезет в рот» («И.И. Пущину», Пушкин, 1828). «Что дел его, великий муж, Имел пятнадцать тысяч душ» («Езерский», Пушкин, 1832). В середине XIX в., по мнению В.М. Жирмунского, замещение *г-к* считается допустимым для точной рифмы, и *г-х* является допустимым лишь для приблизительной рифмы, более того, многие поэты XIX в. наследуют традицию замещения *г-х* в своих стихотворениях (См.: [5. С. 329]).

Поскольку разговорная речь начинает использоваться в драматургии, с середины XIX в., литературная речь становится частью литературного языка из-за социальных изменений, по мере которых произношение в литературном языке изменяется. [9. С. 89] Случаи, при которых на конце слова буква *г* произносится как звук *х*, значительно уменьшаются, особенно в заимствованных словах и среди молодого поколения. Несмотря на то, что нормы замещения звонких-глухих почти одинаковы и для нашего времени, отличаясь от современного русского языка лишь тем, что перед сочетанием *вз* глухой звук необходимо произносить как звонкий. [9. С. 97]. Например: в словосочетании «*вот взду-*

малось» *t* произносится как *д*. Кроме силлабо-тонических стихотворений, во второй половине XIX в. проявляется новый тип народной поэзии – частушка [12. С. 188], в которой имеются разные типы замещения согласных, включающие замещение звонких-глухих согласных, например: «Ещё один годок ... За шелковый платок». Под влиянием народной поэзии Некрасов часто использует такой тип замещения, например: «С тяжелых работ, ... Рабочий народ», «Решал я вопрос: ... Маляр, водовоз?» («Накануне светлого праздника», Некрасов, 1867-1873) «И – туда ... живей, холоп! ... Ха! ха! ха!...» «Хоть пулю в лоб!...» («Над чем мы смеемся...», Некрасов, 1874). Кроме типичного замещения в точной рифме, он также использует его в неточной рифме.

В начале XX в. произношение в русском языке не изменяется по мере социальных изменений, и основные нормы русского литературного языка сохраняются. С другой стороны, в первой половине XX в. появляются новые принципы рифмовки, представляющие собой «достаточное число сходно звучащих элементов» [4. С. 549] Такая рифма обычно считается приблизительной или неточной. Тем не менее в этой системе замещение звонких-глухих согласных и другие фонетические вольности продолжают играть немаловажную роль. Замещение звонких-глухих согласных встречается в стихотворениях поэтов XX в., например: «Творим обряд. ... Слова звучат» («В дамаск», Брюсов, 1903); «И раздаётся женский визг, ... Бессмысленно кривится диск» («Незнакомка», Блок, 1906). В советское время Маяковский оформляет новые нормы рифмовки, в которой пропорция неточных рифм на фоне значительного использования точной рифмы в его стихотворениях больше, чем в поэзии начала XX в. Например: «Запрут под утро азартный зуд, вылезут и поползут» («Монте-Карло», Маяковский, 1929) По данным В. Жирмунского, в середине XX в. использование замещений звонких-глухих и сонорных согласных становится более частичным. [12. С. 308]

Таким образом, со стороны фонетики русского литературного языка, до XIX в. нормы замещения звонких-глухих согласных уже были оформлены. В древнерусском языке звуки *з-х* являлись парными звонкими-глухими согласными, в XVIII в. звуки *з-к* парными становятся, при этом *з-х* продолжают считаться парными. В результате отмеченной эволюции замещение *з-к* используется до нашего времени как главное направление. Можно говорить, что на начало XIX в., т. е. времени раннего творчества Лермонтова, приходится поздний период использования замещения *з-х*, и сменившегося доминированием замещения *з-к*. Далее замещения *з-х* постепенно исчезает из произношения русского литературного языка. Помимо точных рифм, замещение звонких-глухих согласных часто наблюдается в неточных рифмах, особенно в народной поэзии. В XVIII в. поэты избегали частого использования замещения в точных рифмах, а некоторые, к примеру, Державин, напротив, широко использовал их в точных, и неточных рифмах. В XIX в. поэты свободнее использовали замещения как допустимый способ точной рифмовки, и поэтому замещения звонких-глухих согласных наблюдались достаточно часто. Впоследствии это явление встречается в поэзии XX в.

Лермонтов использует разные типы замещения согласных в своих стихотворениях: замещения сонорных, например: «Под нависшею скадою ... Пахарь отдыхать порою» («Осень», 1828); замещения твердых и мягких звуков, например: «Зачем же всё в сем мире бросить, ... Их время злобное не все покосит! ...» («К П...ну», 1829); замещение смычных, например «Не хочу я пред небесным ... Иль спокойствием чудесным» («Покаяние», 1829); замещение смычных и сонорных, например: «Я оттолкну униженную руку, ... Никто со мной делить не будет скуку» («К N. N.», 1829) и замещения звонких и глухих согласных. В раннем творчестве поэт использует последнее замещение не только в точных рифмах, но и в приблизительных. Далее в данной статье главным образом анализируется явление замещения звонких и глухих согласных в точных рифмах раннего периода творчества Лермонтова.

Замещение парных звонких и глухих согласных является одним из самых характерных рифмовых приёмов в точных рифмах Лермонтова. Количество пар замещений звонких и глухих согласных занимает 9.94 % (всего – 68 пар) от общего числа богатых рифм (всего – 684 пар) лирики раннего периода, в бедных же рифмах (всего – 2016 пар) это количество (всего – 90 пар) составляет 4.46 %. В связи с итоговой суммой богатых и бедных рифм в действительности количество этих сочетаний в бедных рифмах, оказывается, больше, чем в богатых.

Лермонтов широко использует замещение звонких и глухих согласных в богатой и бедной рифме: в богатых рифмах встречаются замещения *б-п*, *з-к* и *д-т*; а в бедных – *з-с*, *з-к* и *д-т*. В богатых рифмах поэт использует замещение *д-т* больше других замещений звонких и глухих согласных. Традиция замещения *д-т* начинается с народной литературы. В XVIII и XIX вв. употребление замещений *д-т* становится чаще. В 1828г. Лермонтов в стихотворении «Осень» в первый раз использовал такое

замещение «Уж не любит, меж цветов, ... От полуденных трудов.». Лермонтов использует сочетание “день-тьнь” 6 раз в богатых рифмах с 1818 г. («Наполеон (Дума)»), а в «1831-го Июня 11 дня» (1831) оно даже используется два раза. В стихотворениях «Сон» (1830–1831) и «Вечер» (1830–1831) это сочетание даже имеет место в самом начале стихотворений. По сравнению с типичным замещением в конце слова, Лермонтов предпочитает использовать его в опорных согласных, как Пушкин; однако Лермонтов использует замещение на конце слова 3 раза в сочетаниях “лет-след” и “плывёт-вод”, и остальные 67 сочетаний на месте опорных согласных. В сочетаниях *п-б* и *г-к* также отмечается такой случай: данные замещения звонких и глухих согласных только используется в интервокальных согласных: например, “боле-поле” («Поле Бородина», 1830–1831) и “покой-другой” («Стансы», 1830–1831). Кроме того, замещения *п-б* и *г-к* наблюдаются после 1830 г. чаще, чем замещение *т-д*, которое впервые встречается в 1828 г. Как и в богатых рифмах, Лермонтов использует замещение *д-т* в бедных рифмах чаще замещений *з-с* и *г-к*. Тем не менее по сравнению с богатыми рифмами большинство замещений в бедных рифмах встречается на конце слов. Исходя из этого можно сделать вывод, что в бедных рифмах Лермонтов использует замещения звонких и глухих согласных свободнее: 1) в богатых рифмах замещения с высокой степенной частотности концентрируются на сочетании *т-д* (79,41 %), а в бедных рифмах они сравнительно поровну располагаются в разных сочетаниях. Самое используемое замещение *т-д* составляет только 52,22 % из числа всех сочетаний; 2) надо отметить, что в конце слова в богатых рифмах Лермонтов избегает нарушения орфографического совпадения, поэтому он в них редко (только 3 раза) использует замещение звонких и глухих согласных. В бедных же рифмах поэт использует его довольно часто.

Замещение звонких и глухих согласных в богатых рифмах раннего периода лирики Лермонтова

	Б–П	Г–К	Д–Т	Всего
1828			1 (100 %)	1
1829			13 (100 %)	13
1830–1831	8 (17,78 %)	3 (6,67 %)	34 (75,56 %)	45
1832		3 (33,33 %)	6 (66,67 %)	9
1828–1832	8 (11,76 %)	6 (8,82 %)	54 (79,41 %)	68

Замещение звонких и глухих согласных в бедных рифмах раннего периода лирики Лермонтова

	З–С	Г–К	Д–Т	Всего
1828		1 (100 %)		1
1829	5 (41,67 %)	1 (8,33 %)	6 (50 %)	12
1830–1831	21 (33,33 %)	8 (12,70 %)	34 (53,97 %)	63
1832	5 (35,71 %)	2 (14,29 %)	7 (50 %)	14
1828–1832	31 (34,44 %)	12 (13,33 %)	47 (52,22 %)	90

Замещение на конце рифмующих слов согласным по признаку твёрдости-мягкости не порождает точную рифму. Например: «Зачем же всё в сем мире бросить, ... Их время злобно не все покосит!...» («К П...ну», 1829). В ранних стихотворениях Лермонтова количество таких примеров мало, а типов достаточно много, например: 1) *жь-ж*: «В его речах нередко ложь; ... Ему проверил я -и что ж!» («Отрывок», 1830); 2) *шь-ж*: «Узнаешь ты и в бездну упадешь;/ Проколет грудь раскаяния нож» («К N. N.», 1829); «Поверить стоит раз ... но что ж? ... И старовером прослынешь» («Новогодние мадригалы и эпиграммы», 1831); 3) *жь-шь*: «Младое сердце не тревожь;/ Ты сам же после осмешь» («К приятелю», 1830–1831). Тем не менее в стихотворениях Лермонтова этого времени отсутствует типичное сочетание звонких-глухих согласных *ж-ш*.

Особый интерес для Лермонтова представляет определённое рифмующееся сочетание “*тьнь-день*”, которое он использует 6 раз до 1832 г., и даже 2 раза в стихотворении «1831-го Июня 11 Дня». Например: «В тот же свежий час, когда садится день, ... И на востоке близкой ночи тень,» («1831-го Июня 11 Дня», 1831) и «Когда садится алый день ... Когда туман встает, и тень» («Вечер», 1830–1831). Кроме того, он также использует сочетание «блаженства-совершенства» 5 раз в течение 1830–1831 гг., например: «Известно, в славе нет блаженства, ... Во всем дойти до совершенства» («Слава», 1830–1831).

Как поэт первой половины XIX в., Лермонтов тоже использует замену *з-х*, которое считается приблизительной рифмой в это время. Это сочетание наблюдается в раннем периоде 5 раз, среди которых одно сочетание проявляется в середине слова, и все остальные на конце слова. Например: «Но медленно слабеет жизни дух... И – падает перо из слабых рук ...» («Письмо», 1829); «Чтоб облегчить последний миг; ... Не приманят к себе других» («Чума в Саратове», 1830); «С плеском и шумом глухим; ... Также один за другим» («Войны и люди», 1830-1831). По сравнению с замещением *з-к*, встречающимся 18 раз, замещение *з-х* наблюдается реже. Более того, замещение *з-х*, которое существовало только на конце слова, использовали редко. Использование замещений *з-к* или *з-х* является признаком, отличающим поэтов до Лермонтова, включая Пушкина [15. С. 107].

Замещение звонких и глухих согласных в мужских и женских рифмах раннего периода лирики Лермонтова

	Мужская рифма	Женская рифма	Всего
Б-П	5 (3,38 %)	3 (2,03 %)	8 (5,41 %)
Г-К	5 (3,38 %)	1 (0,68 %)	6 (4,05 %)
Д-Т	89 (60,14 %)	12 (8,11 %)	101 (68,24 %)
З-С	31 (20,95 %)	0 (0 %)	31 (20,95 %)
Ж-Ш	2 (1,35 %)	0 (0 %)	2 (1,35 %)
Итого	132 (89,19 %)	16 (10,81 %)	148

Замещение звонких и глухих согласных может наблюдаться в мужских и женских рифмах раннего периодаторчества Лермонтова, которые являются господствующими в XIX в., однако отсутствует в дактилических рифмах. Замещение всех пяти парных звонких-глухих согласных наблюдаются в мужских рифмах, затем в женских рифмах существуют только пары *б-п*, *з-к* и *д-т*. Согласно исследованию Самойлова, в стихотворениях Державина и Пушкина мужские и женские рифмы занимают сравнительно равные места, а у Лермонтова иначе [12. С. 126]. Несмотря на то, что сам поэт предпочитает мужскую рифму женской (так как он в большинстве стихотворений использует чередование мужских и женских рифм, и в других сплошные мужские рифмы, однако редко использует сплошные женские) он в мужских рифмах использует больше типов и число замещений звонких-глухих согласных.

Замещение звонких и глухих согласных в середине и на конце рифмы раннего периода лирики Лермонтова

	В середине слова	На конце слова
Богатые рифмы	65 (95,69 %)	3 (4,41 %)
Бедные рифмы	2 (2,22 %)	88 (97,78 %)
Точные рифмы	67 (42,41 %)	91 (57,59 %)

В ранних стихотворениях Лермонтова замещение звонких и глухих согласных имеет место и в сильной позиции (в интервокальной позиции или перед гласными), и в слабой (на конце слов). Несмотря на сравнительно сбалансированное распределение двух типов замещения в зависимости от положений в слове точных рифм, замещение звонких-глухих в середине слова занимает абсолютно лидирующее место в богатых рифмах, а замещение на конце слова, наоборот, господствует в бедных рифмах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.
2. Барсов А.А. Российская грамматика. М.: Издательство Московского Университета, 1981. 776 с.
3. Белошапкова В.А. Современный русский язык. М.: Высшая Школа, 1989. 800 с.
4. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Статьи и рецензии. Далекие и близкие. / гл. ред. П.Г. Антокольского [и др.] М.: Художественная Литература, 1973. 656 с.
5. Жирмунский В.М. Теория стиха. Ленинград: Советский Писатель Ленинградское Отделение, 1975. 664 с.
6. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. / гл. ред. В.Н. Орлов. Ленинград: Советский Писатель, 1956. 530 с.
7. Карневская Е.Б. Практическая фонетика английского языка: (с электронным приложением) учебник. Минск: Вышшая Школа, 2013. 366 с.

8. Ломоносов М.В. Российская грамматика. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1755. 212 с.
9. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Едиториал УРСС, 2002. 456 с.
10. Путилов В. Русская народная поэзия. Ленинград: «Художественная Литература» Ленинградское Отделение, 1984. 440 с.
11. Русинов. Н.Д. Древнерусский язык. М.: Высшая Школа, 1999. 207 с.
12. Самойлов Д. Книга о русской рифме. М.: Художественная Литература, 1982. 351 с.
13. Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. Т. 2, кн. II / гл. ред. А.В. Лавров. Санкт-Петербург: Наука, 2014. 807 с.
14. Томашевский В.Б. Стилистика и стихосложение. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР (Ленинградское отделение), 1959. 525 с.
15. Томашевский Б.В. Стих и язык. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 470 с.
16. Шанский Н.М., Иванов. В.В. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. 192 с.

Поступила в редакцию 25.04.2019

Хэ Фань, аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Филологический Факультет, Кафедра истории русской литературы
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: mewmewsoup@gmail.com

F. He

THE PHENOMENON OF REPLACEMENT OF VOICED–VOICELESS CONSONANTS IN RUSSIAN POETRY (BY THE EXAMPLE OF EXACT RHYMES IN LERMONTOV’S EARLY LYRICS (1828-1832))

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-824-831

The aim of the article is to identify the phenomenon of the replacement of voiced-voiceless consonants in Russian poetry and to study its use for exact rhymes in Lermontov’s early lyrics. The main content of the article is the analysis of replacement of voiced-voiceless consonants as a phonetic phenomenon and a corresponding method of rhyming in Russian poetry, the history of its employment in Russian poetry. The analysis helps to reveal the conditions of the use of replacement of voiced-voiceless consonants in exact rhymes of Lermontov’s early lyrics. In the article, the new materials and statistical data of different kinds of rhymes in Lermontov’s early lyrics are summarized. The article is directed to the specialists in the history of Russian literature and the researchers of Lermontov’s works in general.

Keywords: replacement of voiced-voiceless consonants, Russian poetry, exact rhyme, lyrics, Lermontov.

REFERENCES

1. Avanesov R.I. Russkoe Literaturnoe Proiznoshenie [Russian Literary Pronunciation]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1984, 383 p. (In Russian).
2. Barsov A.A. Rosiyskaya Grammatika [Russian Grammar]. Moscow, MSU Press, 1981, 776 p. (In Russian).
3. Beloshapkova V.A. Sovremennyy Russkiy yazyk [Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1989, 800 p. (In Russian).
4. Bryusov V.Ya. Sbranie sochineniy. Stat'i i retsenzii. Dalekie i blizkie. T. 6 [Collection of Works. Vol. 6. Articles and Reviews. Distant and Closed]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973, 656 p. (In Russian).
5. Zhirmunskiy V.M. Teoriya stikha [The Theory of Poems]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ. Leningrad’s Branch, 1975, 664 p. (In Russian).
6. Kantemir A.D. Sbranie Stikhotvoreniy [Collection of Poems]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1956, 530 p. (In Russian).
7. Karnevskaia E.B. Prakticheskaya Fonetika Angliyskogo Yazyka: (s elektronnyim prilozheniem) uchebnik [Practical Phonetics of English (with electronic edition) textbook]. Minsk, Vysheyskaya Shkola Publ., 2013, 366 p. (In Russian).
8. Lomonosov M.V. Rosiyskaya Grammatika [Russian Grammar]. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauka Publ., 1755, 212 p. (In Russian).
9. Panov M.V. Istoriya Russkogo Literaturnogo Proiznosheniya XVIII–XX vv. [History of Russian Literary Pronunciation in XVIII–XX centuries]. Moscow, URSS Publishing Group, 2002, 456 p. (In Russian).
10. Putilov V. Russkaya narodnaya poeziya [Russian Folk Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ. Leningrad’s Branch, 1984, 440 p. (In Russian).

11. Rusinov N.D. Drevnerusskiy Yazyk [The Ancient Russian Language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1999, 207 p. (In Russian).
12. Samoylov D. Kniga o Russkoy Rifme [The Book of Russian Rhyme]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, 351 p. (In Russian).
13. Sologub F.K. Polnoe Sobranie Stikhotvoreniy i Poem. T. 2 kniga II [Complete Collection of Poems. Vol. 2. 2nd Book]. Moscow, Nauka Publ., 2014, 807 p. (In Russian).
14. Tomashevskiy V.B. Stilistika i stikhoslozheniya [The Style and Prosody]. Leningrad, Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ. Leningrad's Branch, 1959, 525 p. (In Russian).
15. Tomashevskiy B.V. Stikh i Yazyk [Poems and the Language]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1959, 470 p. (In Russian).
16. Shanskiy N.M., Ivanov. V.V. Sovremennyy russkiy yazyk [The Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1987, 192. (In Russian).

Received 25.04.2019

He Fan, postgraduate student
Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, GSP-1
E-mail: mewmewsoup@gmail.com